

Безъ плана.

(Нѣсколько словъ о задачахъ журнала. — Жизнь и ея истинный объемъ и запросы. — Историческія задачи нашего времени. — Основной вопросъ современной русской жизни: *delenda est Carthago*).

I. „Вопросы Жизни“ и вопросы жизни.

Нашъ журналъ теперь носить новое названіе „Вопросы Жизни“. Если понять это названіе въ смыслѣ обозначенія задачъ журнала, то нельзя не признать, что оно многое говоритъ и ко многому обязываетъ. Оно указываетъ журналу высшую и даже въ сущности единственную задачу, которая должна быть свойственна литературѣ, составляетъ общественное служеніе журнала, — отзываться на *вопросы жизни*, уловлять ея пульсъ, болѣть ея скорбями, волноваться радостями, вдохновляться надеждами и отчаиваться ея отчаяніемъ. Какъ суббота для человѣка, но не человѣкъ для субботы, такъ и литература для жизни, а не жизнь для литературы.

Никто не станетъ отрицать эту мысль въ такой общей формѣ. Однако, какъ только мы начнемъ наполнять эту отвлеченную и пустую формулу какимъ-либо содержаніемъ, опредѣлять ее ближе и точнѣе, уже начинаются разногласія. Эластичная формула оказывается способна вмѣстить довольно различное содержаніе.

Въ самомъ дѣлѣ, что же такое „жизнь“, которую должна отражать и которой должна служить литература, и въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать это служеніе? Жизнь въ своей непосредственной данности, какъ самое общее и элементарное, непосредственно намъ доступное ощущеніе бытія, неопредѣлимо и неразложимо — ни біологически, ни психологически, ни даже логически. Въ этомъ значеніи

понятіе это можно весьма сблизить, если даже не отождествить съ тѣмъ понятіемъ „сознанія“, съ которымъ теперь оперируетъ, надѣясь изъ него добыть всю философію, такъ называемая „имманентная“ школа въ гносеологін. Въ этомъ своемъ опредѣленіи понятіе жизни въ последнее время стало предметомъ настоящаго идолопоклонства, оно употребляется „эмпириокритицистами“ также усердно и часто, какъ влюбленный повторяетъ названіе предмета своего обожанія. Но несмотря на эти пламенные чувства, какъ понятіе формальное, оно характеризуется полнѣйшей пустотой и бессодержательностью.

Жизнь на этой стадіи ея опредѣленія есть пустая форма, которая можетъ и должна быть наполнена тѣмъ или другимъ содержаніемъ, лишь потенція, которая можетъ перейти въ ту или иную актуальность. Это „абсолютная величина“ въ алгебрѣ, которая сама по себѣ не имѣетъ еще ни коэффиціента, ни знака,—плюса или минуса. Жизнь въ этомъ смыслѣ одинаково можетъ быть отдана біологическому прозябанію и оргіастическому культу или же посвящена высшему идеалу, просвѣтлена изнутри. Ея нормой можетъ быть фаллическій культъ, Вакхъ или Діонисъ, или же Тотъ, Кто сказалъ о Себѣ: „Я—Путь, Истина и Жизнь“. Такія полярности заключаются въ аморфномъ понятіи „жизнь“.

Поэтому, когда говорятъ о служеніи „жизни“, то разубѣютъ не эту пустую потенцію, а жизнь опредѣленнаго содержанія, уже посвященную тому или другому богу. Нельзя говорить о „расширеніи“ (или суженіи?) „жизни“ въ смыслѣ біологическаго состоянія, изъ нуля можно вычитать сколько угодно, и онъ все-таки останется тѣмъ же нулемъ. Поэтому, если говорится о жизни вообще, то, конечно, говорится о *достойной жизни*, сообразной нѣкоторому заранѣе принятому идеалу или нормѣ достойнаго человѣческаго существованія. „Жизнь“ понимается при этомъ уже не въ смыслѣ біологическаго или фактическаго существованія, но въ смыслѣ нормативномъ, съ нѣкоторой квалификаціей ея содержанія, опредѣляющей плюсомъ или минусомъ каждое ея проявленіе. Жизнь, какъ идеальная задача, какъ нравственная норма, какъ мѣра вещей, — таково содержаніе, которое вкладывается въ это понятіе. Вотъ въ какомъ смыслѣ только и могутъ ставиться и разрѣшаться „вопросы жизни“.

Итакъ, всякому сужденію о жизни логически предшествуетъ извѣстное представленіе о *должномъ*, о человѣческомъ достоинствѣ, объ идеальныхъ задачахъ человѣка и человѣчества, или, по выра-

женію Фихте, „о призваніи челоуѣка“. Безъ этихъ нормъ, безъ предварительнаго рѣшенія этихъ вопросовъ невозможно никакое сужденіе о жизни и дѣятельное отношеніе къ ней.

Вопросы эти заслуживаютъ того вниманія, которое соотвѣтствуетъ ихъ важности, ихъ первостепенному значенію. Ихъ рѣшеніе не должно быть взято на прокатъ, или съ вѣтра, неизвѣстно откуда, но должно явиться плодомъ сознательной, испытующей мысли. Загадка о челоуѣкѣ, коренной вопросъ философскаго и религіознаго сознанія, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и коренной, первый по важности и „вопросъ жизни“, и только недомысліе могло счесть его отъ жизни отвлекающимъ, для жизни ненужнымъ, даже взять подъ подозрѣніе съ точки зрѣнія общественно-политической.

Тотъ, кто имѣетъ хотя небольшой опытъ въ этихъ дѣлахъ, хорошо знаетъ, что загадка о челоуѣкѣ не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя можно было бы, разрѣшивъ, навсегда отложить въ сторону. Напротивъ, она будетъ постоянно ставиться и разрѣшаться до тѣхъ поръ, пока живетъ и мыслить челоуѣчество, пока не оскудѣло философское творчество и не изсякла окончательно религіозная мысль. Загадка о челоуѣкѣ принадлежитъ къ числу тѣхъ проклятыхъ вопросовъ, отъ которыхъ не имѣетъ права отдѣлываться челоуѣчество, не роняя своего достоинства. Вмѣстѣ съ тѣмъ она разрастается и до міровыхъ вопросовъ въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Челоуѣкъ не можетъ разрѣшить загадку о себѣ, не поставивъ и не разрѣшивъ загадки о мірѣ и своемъ мѣстѣ въ немъ. Лишь установивъ норму жизни, мы обращаемся къ ея содержанію, къ различнымъ вопросамъ жизни. Количество послѣднихъ, реальное содержаніе жизни, конечно, безгранично. Слѣдуетъ только подходить къ ней съ открытыми глазами, не закрывая ихъ въ угоду предразсудкамъ и стараясь избѣгать какихъ-либо односторонностей. Такими односторонностями, наиболѣе распространенными въ наше время, а потому и наиболѣе опасными, представляется намъ отвлеченный спиритуализмъ или же столь же отвлеченный матеріализмъ.

Одни, исходя изъ справедливой оцѣнки всей настоятельности вопросовъ экономическаго, вообще матеріальнаго существованія челоуѣка, но впадая при этомъ въ теоретическія заблужденія относительно ихъ значенія въ совокупной жизни челоуѣчества, впадаютъ въ односторонній матеріализмъ, небреженіе запросовъ духа, приходятъ къ формулѣ: *Der Mensch ist was er isst*. Другіе же впадаютъ

въ столь же ложный спиритуализмъ и съ непростительнымъ равнодушіемъ относятся къ условіямъ матеріальнаго существованія человѣка.

Надлежитъ одинаково держать въ памяти какъ ту истину, что не однимъ хлѣбомъ живетъ человѣкъ, такъ и ту, что онъ не можетъ жить безъ хлѣба. И если справедливо, что нѣтъ силъ, способныхъ сковать свободный человѣческій духъ, то одинаково справедливо и то, что цѣни политическаго и экономическаго разбѣга душать мысль и вызываютъ духовный параличъ. Съ этой точки зрѣнія, не впадая въ сознательную односторонность, журналъ нашъ не можетъ исключать изъ сферы своего вниманія ни матеріальной, ни духовной жизни человѣчества и, слѣдовательно, долженъ отзываться какъ на вопросы жизни экономической, политической и соціальной, такъ и духовной, эстетической, культурной.

Эти общія требованія должны быть конкретизированы, приурочены къ настоящему моменту русской исторіи, который одѣваетъ ихъ въ плоть и кровь, ставитъ вполне опредѣленныя задачи для историческаго творчества, выдвигаетъ вполнѣ опредѣленные вопросы жизни. То или иное пониманіе историческихъ задачъ момента необходимо опредѣляетъ и ближайшую программу журнала, и то, что можно назвать его тактикой. Для полной ясности въ этомъ отношеніи мы пытаемся формулировать здѣсь, конечно, съ неизбежной краткостью, въ самыхъ общихъ и предварительныхъ чертахъ, въ чемъ состоятъ, по нашему мнѣнію, историческія задачи теперешняго момента, каковъ тотъ путь развитія, котораго мы желали бы для своего отечества, какіе вопросы жизни, матеріальной и духовной, выдвигаются на первый планъ въ настоящую минуту.

Естественно, что общее вниманіе теперь привлекаютъ задачи экономическаго и политическаго возрожденія Россіи послѣ того безпримѣрнаго упадка и разстройства, въ которое пришла она въ новѣйшее смутное время войны внѣшней—съ японцами и внутренней—съ бюрократіей. Малый ребенокъ понимаетъ въ настоящее время, въ какомъ ужасномъ состояніи находится страна. Нужны героическія средства для ея оздоровленія и, если они не будутъ даны, то будутъ взяты—выбора нѣтъ. Въ вопросахъ, касающихся политической и экономической жизни, во всей и идейной журналистикѣ и ежедневной прессѣ, въ различныхъ слояхъ общества, словомъ у всей честной и мыслящей Россіи господствуетъ полное единогласіе и

иначе быть не может. Можно различаться въ подробностях программъ, идти ближе или дальше, быть умѣреннѣе или радикальнѣе, возможна и въ дѣйствительности существуетъ цѣлая гамма партійныхъ оттѣнковъ. Но все эти фракціи или партіи сходятся въ настоящее время въ одномъ: такъ жить нельзя. Всемъ равно ненавистна бюрократія, одинаково опостылѣлъ будочникъ.

Конечно, это временное единогласіе не должно закрывать различія дальнѣйшихъ программъ, хотя это послѣднее никоимъ образомъ не должно препятствовать согласному дѣйствию для достиженія общей цѣли. Однако *временный союзъ не значитъ отказъ отъ своей программы*. Мы развивали уже свою программу съ отчетливостью, возможной для подцензурнаго журнала *), въ статьяхъ „Идеализмъ и общественныя программы“ (*Новый Путь*, октябрь—декабрь), къ которымъ и отсылаемъ читателя. *Въ области политической мы отстаиваемъ программу радикально-демократическую, въ области же соціальной политики—соціалистическую*, хотя и не въ доктринальномъ, а болѣе широкомъ смыслѣ этого слова, допускающемъ и самостоятельную постановку крестьянскаго вопроса. По своимъ теоретическимъ основаніямъ утверждаемъ на предпосылкахъ „идеализма“, въ практической разработкѣ наша программа стремится къ вполне реалистической точкѣ зрѣнія, опредѣляясь какъ идеаль-реалистическая. Эту свою общественную программу журналъ и будетъ развивать по поводу текущихъ вопросовъ политической и экономической жизни, какъ въ постоянныхъ отдѣлахъ, такъ и въ специальныхъ статьяхъ.

Политическимъ и экономическимъ оздоровленіемъ страны не исчерпываются однако, по нашему мнѣнію, историческія задачи нашей эпохи. Въ связи съ ними, но, до известной степени, и самостоятельно ставится великая задача духовнаго оздоровленія нашего отечества, культурнаго ренессанса. Будемъ откровенны. Господство новѣйшей татарщины, бюрократическій произволъ и вся совокупность политическихъ условій развитія нашей родины не могли не привести къ тому, что мы идемъ, особенно за послѣднее время, къ культурному

*) О томъ, какъ затруднительна такая отчетливость, пусть покажетъ слѣдующій примѣръ. Въ настоящее время даже въ правительственныхъ сферахъ обсуждается вопросъ о свободѣ стачекъ, а въ ноябрѣ прошлаго года пунктъ нашей программы, касающійся права стачекъ, былъ исключенъ цензурой.

огрубѣнію, въ лучшемъ случаѣ мы стоимъ на мѣстѣ, а застои равновѣсія регрессу. Нельзя никого винить за это, русскому обществу приходится бороться за элементарныя условія достойнаго существованія, но не слѣдуетъ закрывать глаза на этотъ фактъ, ибо признаніе его есть первое условіе прогресса. Незамѣтно для себя русское общество приспособляло свою психологію къ борьбѣ съ будущникомъ и ее соотвѣтственно упрощало. Какъ ни неизбежно было это, въ особенности при отсутствіи свободы слова и невозможности поэтому договориться до конца и какъ слѣдуетъ понять другъ друга, но нельзя отрицать, что политическіе и даже полицейскіе критеріи стали у насъ господствовать и распространяться туда, гдѣ имъ было уже совсѣмъ не мѣсто. Такимъ путемъ создалась затхлая, застоявшаяся атмосфера и въ нашемъ обществѣ и въ нашей литературѣ, утеряна была внутренняя свобода, установилась какая-то паспортная система мысли, конечно, въ значительной мѣрѣ парализующая ея движеніе. Такое направленіе въ русской жизни и литературѣ, какъ ни понятно оно въ своихъ причинахъ, нельзя не признать въ высшей степени антикультурнымъ. Гонимые незамѣтно для себя иногда усваиваютъ нѣкоторыя черты психологіи своихъ враговъ. Внѣшнее, политическое пораженіе привело къ утратѣ не только внѣшней, но и внутренней свободы, и этимъ прежде всего слѣдуетъ объяснить тѣ чудовищныя по ожесточенности и нерѣдко безобразныя по содержанію фракціонныя распри, которыя раздираютъ нашу боевую интеллигенцію, а нерѣдко отражаются и въ литературѣ. Слѣдуетъ пожелать русскому обществу поскорѣе сбросить съ себя этотъ зракъ раба, какъ его недостойный.

Больше всего отъ общественно полицейскаго надзора доставалось философіи. Случилось такъ, что свидѣтельство полицейской благонадежности получили самыя элементарныя и предъ лицомъ философскаго мышленія давно уже несостоятельныя теоріи матеріализма и наивнаго позитивизма. Все остальное было объявлено реакціоннымъ (нужно ли напоминать недавніе примѣры „критики“ *Проблемъ идеализма* и т. п.) и лишено права на легальное существованіе. На философію объявлено было гоненіе, и это несмотря на то, что русская интеллигенція, по своему духовному складу, наиболѣе сродна философскимъ исканіямъ и постоянно мучится „проклятыми вопросами“. Эти духовныя потребности оказались временно обезсиленными подъ давленіемъ критеріевъ утилитарно-полицейскаго характера. Можно было бы признать относи-

тельную справедливость гоненія на философію еще въ такомъ случаѣ, были, если бы вопросы общаго міровоззрѣнія совсѣмъ не трактовались на страницахъ нашей журналистики и вообще литературы, окончательно оттуда были изгнаны. На самомъ же дѣлѣ, они не сходили со страницъ журналовъ, запретными оставались только тѣ точки зрѣнія, которыя противорѣчили патентованнымъ.

Такому положенію дѣла пора положить конецъ. Въ предвареніе нашего гражданскаго освобожденія и на ряду съ его осуществленіемъ слѣдуетъ обратить вниманіе и на наше духовное освобожденіе. А для этого, прежде всего, слѣдуетъ разъ навсегда отказаться отъ недостойной подозрительности, заглядыванія за пазуху, какого-то духовнаго обыска, которому подвергался всякій, инако мыслящій. Можно добиваться единогласія практическихъ программъ, но слѣдуетъ предоставить всякому *nach seiner Façon selig werden*, слѣдуетъ признать свободу мысли, слова и совѣсти, которыхъ мы всѣ теперь добиваемся, и при томъ не только признать въ законѣ, но и осуществить во взаимныхъ отношеніяхъ.

Отстаивая въ политическомъ и социальномъ отношеніи строгую принципиальность и предъявляя опредѣленную общественную программу, мы принципиально отстаиваемъ полную духовную свободу и независимость; философскія, эстетическія, религіозныя и т. д. мнѣнія не должны подвергаться тому унижительному, полицейскому и узко-утилитарному штемпелеванію, о которомъ мы говорили. Нужно же, наконецъ, признать, что культурныя блага самоцѣльны и вовсе не нуждаются въ санкціи откуда-то извнѣ.

Руководствуясь высказанными принципами, мы будемъ отводить мѣсто вопросамъ духовной жизни, исканіямъ философскимъ, этическимъ и эстетическимъ, сообразуясь лишь съ внутренней ихъ оцѣнкой, а не съ распространенными предрасудками. Журналъ нашъ не будетъ посвященъ, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время пропагандѣ какой-нибудь одной опредѣленной философской или эстетической доктрины, — для журнала съ такой специализированной задачей пока нѣтъ еще почвы, — въ немъ найдутъ выраженіе различныя современныя исканія въ этой области. Конечно, это не означаетъ принципиальнаго безразличія. Не будемъ скрывать, что философія и идеалистическая философія представляютъ для насъ синонимы; мы считаемъ это даже не личнымъ мнѣніемъ, а существомъ самого дѣла. Достигнувъ известной зрѣлости, философская мысль не можетъ быть иной, какъ

идеалистической. Но и это есть еще очень широкая скобка, въ которой найдется не мало различныхъ оттѣнковъ.

Къ такой же свободѣ отъ предразсудковъ, обусловленныхъ соображеніями нелитературнаго характера, мы будемъ стремиться и въ вопросахъ искусства. Мы считаемъ, что искусство имѣетъ свои собственные пути, и всякое искусство, правдиво и искренно ищущее, хотя бы еще смутно и инстинктивно, имѣетъ право на существованіе, не должно быть гонимо. Мы очень уважаемъ такъ называемую гражданскую поэзію и преклоняемся передъ памятью Некрасова, ея великаго представителя; но вмѣстѣ съ тѣмъ мы полагаемъ, что слѣдуетъ противодѣйствовать стремленію ограничить область искусства одной гражданственностью, сдѣлать его исключительно служебнымъ средствомъ для постороннихъ, хотя и весьма высокихъ цѣлей. Искусство должно быть прежде всего искренно и правдиво, но искусство, сознательно сузившее себя до одного мотива, не можетъ быть вполне искренно, и, становясь тенденціознымъ, тѣмъ самымъ перестаетъ быть искусствомъ. Но, конечно, въ равной или даже большей степени, должна быть избѣгаема и противоположная крайность, когда поэтъ считаетъ гражданскіе мотивы для себя заранѣе исключенными, недостойными своей музыки, относясь къ нимъ съ непонятной и предосудительной враждой. Нужно однако сказать, что первая крайность у насъ гораздо болѣе распространена, чѣмъ вторая. Мы относимся, дажѣ, съ безграничнымъ уваженіемъ къ реалистическому искусству, гениальные образцы котораго даетъ намъ русская литература, въ лицѣ Толстого и Достоевскаго, однако это никоимъ образомъ не должно служить причиной къ отрицанію правъ художественнаго символизма, который становится все болѣе распространенъ въ наши дни. Можно мириться съ умѣреннымъ натурализмомъ, къ которому въ сущности въ большинствѣ принадлежитъ поколѣніе молодыхъ беллетристовъ, группирующихся около „Знанія“. Но нѣтъ также никакихъ основаній огульно отрицать все то новѣйшее движеніе въ искусствѣ, которое не особенно удачно окрестило себя декадентствомъ. Оно не можетъ считаться выбродившимъ и окончательно опредѣленнымъ, въ немъ еще много смутнаго и не вполне осознаннаго, но за то нельзя отрицать въ немъ ищущаго безпокойства, выгодно отличающаго его отъ нѣсколько самодовольнаго натурализма (не говоря уже о заслугахъ относительно литературной формы, которой, къ сожалѣнію, не всегда соответствовало содержаніе). Вообще, нельзя

заказать путей искусству въ исканіи новыхъ формъ художественнаго творчества, это значило бы для него просто замереть. Существующіе же фракціонныя отгѣнки между разными теченіями въ искусствѣ намъ представляются сильно преувеличенными, причеъ эта рознь подогрѣвается опять-таки атмосферой взаимнаго недоверія и подозрительности, которую создаетъ нашъ политическій режимъ, но отъ которой намъ пора уже освободиться. Риска въ бытіи парадоксальными, мы должны, такимъ образомъ, сказать, что направленіе нашего журнала въ искусствѣ состоитъ въ отсутствіи направленія въ томъ узкомъ смыслѣ, какъ — это понимается въ настоящее время. Единственный масштабъ это внутренній критерій художественной правды. Но мы при этомъ, конечно, слишкомъ хорошо понимаемъ, что этотъ критерій гораздо легче выставить, нежели осуществлять.

Въ разрѣзъ съ господствующими въ интеллигентскихъ кругахъ мнѣніями и предразсудками и установившимися подъ вліяніемъ ихъ литературными обычаями журналъ нашъ пойдетъ и въ вопросѣ религіозномъ. Мы знаемъ, что огромное большинство такъ называемыхъ интеллигентныхъ людей въ религіи видятъ, какъ выражаются нѣмцы, *einen überwundenen Standpunkt*, рассуждая по Конту: вначалѣ форма теологическаго мышленія, затѣмъ метафизическаго, а затѣмъ, какъ вѣнецъ всего, научнаго, и считающіе себя увѣнчанными этимъ вѣнцомъ самодовольно и свысока смотрятъ на тѣхъ, кого волнуютъ религіозныя вопросы. Это снисходительное презрѣніе, однако, вовсе не покупается цѣной сознательнаго продуманнаго и выстраданнаго убѣжденія. Напротивъ, въ дѣйствительности въ наше время мало кто перемучился этими вопросами, мало кто о нихъ серьезно размышлялъ. Религіозныя вѣрованія дѣтства отбрасываются на извѣстномъ году жизни, какъ изношенный сюртукъ, безъ боли и безъ сожалѣнія, безъ тѣхъ терзаній, которыя достаются на долю избранныхъ натуръ. Вспомните чарующія строки, въ которыхъ Герценъ описываетъ переломъ вѣрованій у своей Наташи (а вѣдь, кажется, Герцена нельзя заподозрить въ пристрастіи къ религіознымъ вѣрованіямъ). „Она грустно разставалась съ своимъ иконостасомъ, въ которомъ стояло такъ много завѣтныхъ святынь, облитыхъ слезами печали и радости, она покидала ихъ, не краснѣя, какъ краснѣютъ большія дѣвочки своей вчерашней куклы. Она не отвернулась отъ нихъ, она ихъ уступила съ болью, зная, что она станетъ отъ этого бѣднѣе, беззащитнѣе, что кроткій свѣтъ мерцаю-

щихъ лампадъ замѣнится сѣрымъ разсвѣтомъ, что она дружится съ сухими равнодушными силами, глухими къ лепету молитвы, глухими къ загробнымъ упованіямъ. Она тихо отняла ихъ отъ груди, какъ умершее дитя, и тихо опустила ихъ въ гробъ, уважая въ нихъ прошлую жизнь, поэзію, данную ими, ихъ утѣшенія въ иные минуты. Она и послѣ не любила холодно касаться до нихъ, такъ какъ мы минуемъ безъ нужды ступать на земляную насыпь могилы“. (Былое и Думы).

У многихъ ли, разстававшихся съ своимъ „иконостасомъ“, съ подобной серьезностью и болью произошла тягостная разлука. Наше интеллигентное общество характеризуется не невѣріемъ и вообще не какимъ-либо опредѣленнымъ религіознымъ міровоззрѣніемъ, но повальнымъ почти индифферентизмомъ. Оно имѣетъ религіозные предразсудки, но въ огромномъ большинствѣ лишено религіозныхъ убѣжденій, оно не переросло религію, какъ само о себѣ думаетъ, но просто еще не доросло до религіознаго мышленія, находится въ дѣтскомъ состояніи относительно этихъ вопросовъ. Благодаря слабой сознательности въ этомъ отношеніи нашего общества, религіозные предразсудки въ немъ какъ-то окостенѣли, на страницахъ нашихъ передовыхъ, въ смыслѣ общественныхъ программъ, журналовъ возбужденіе вопросовъ религіознаго мышленія считается просто таки почти неприличнымъ, и не раздѣляющіе ходячихъ мнѣній и популярнаго невѣрія пользуются репутаціей чужаковъ, относительно которыхъ есть подозрѣніе, не страдаютъ ли они психическимъ разстройствомъ, *mania religiosa*.

Такое печальное положеніе вещей болѣе чѣмъ достаточно объясняется тѣми ужасными, позорными и безобразными условіями, въ которыя поставлена у насъ религіозная жизнь. Религія употребляется бюрократіей въ качествѣ подобнаго средства для своего самосохраненія. У насъ у всѣхъ еще не остыло то оскорбленіе лучшихъ чувствъ русскаго общества, которое только недавно сдѣлано въ извѣстномъ официальномъ заявленіи высшихъ сановниковъ церкви, гдѣ по поводу теперешнихъ событій они сумѣли только повторить нелѣпую, даже официально опровергнутую басню объ японскихъ интригахъ. Между официальными представителями религіи и обществомъ создалась китайская стѣна, воздвигнутая религіозной казенщиной и бюрократизмомъ. Обычный способъ дѣйствія, или лучше сказать, бездѣйствія официальныхъ представителей религіи, ихъ официальное,

казенное социальное-политическое *сredo* достаточно объясняет распространённое в нашем обществе мнение, что тот, кто не разделяет общего религиозного неверия, тем самым присоединяется к мировоззрению „Московских Ведомостей“ и становится пиндаром полицейского участка, причём и не подозревают, какія безграничныя перспективы общественного прогресса в действительности открываетъ религія. Свое дѣло для окончательнаго утверждения религиознаго индифферентизма сдѣлала и цензурная кустодія, благодаря которой вопросы вѣры почти изъяты изъ обсужденія. Казенщина жизни привела въ концѣ концовъ и къ казенщинѣ мысли, причёмъ послѣдняя отразила первую въ обратномъ видѣ: съ рельефомъ вмѣсто вогнутостей и наоборотъ. Обычная исторія. Будемъ однако надѣяться, что причины, создающія эту казенщину, какъ общій такъ и церковный бюрократизмъ, не вѣчны, а что вмѣстѣ съ ихъ устраненіемъ создадутся и болѣе благопріятныя условія духовнаго развитія. Тогда вновь сдѣлается вопросомъ много такое, что сейчасъ считается окончательно порѣшеннымъ.

Съ своей стороны, совершенно не разделяя распространённыхъ предразсудковъ нашего общества относительно религіи и относясь съ глубокой скорбью къ повальному его индифферентизму, мы полагаемъ, что религиозное сознаніе есть высшее изъ всего, что есть у человѣка и что дѣлаетъ человѣка человекомъ. Ростъ личности, ея духовное и историческое развитіе ведетъ къ проясненію этого сознанія путемъ устраненія изъ него разныхъ инородныхъ примѣсей, но никоимъ образомъ не къ уничтоженію религиозныхъ запросовъ. Религиозную казенщину русской жизни мы считаемъ величайшимъ зломъ и историческимъ несчастьемъ, съ которымъ слѣдуетъ бороться, не покладая рукъ. Но и русскому обществу не наплюсъ слѣдуетъ поставить его религиозный индифферентизмъ, плоть отъ плоти и кровь отъ крови церковной казенщины, прямое ея порожденіе. Нерѣдко этотъ индифферентизмъ сдѣняется фанатической, хотя также малосознательной враждой противъ религіи вообще. (Впрочемъ, фанатизмъ этотъ чаще направляется не столько противъ самой религіи, сколько противъ официальной лжи и употребленія ея въ цѣляхъ политической и социальной реакціи, въ качествѣ полицейскаго средства). Намъ придется поэтому съ равной энергіей вести борьбу на два фронта, — направо съ казенщиной религиозной жизни, съ церковной полиціей, налѣво — съ казенщиной религиозной мысли, съ отождествле-

ніемъ этой полиціи съ самой сущностью религіи. Мы вѣримъ, что теперешнее состояніе преходяще и отойдетъ въ исторію вмѣстѣ съ создающими и поддерживающими его политическими условіями. Пробужденіе свободной и потому искренней и безкорыстной религіозной мысли въ нашемъ обществѣ есть очередная задача русской культуры, нашей духовной исторіи, и послужить этой задачѣ—въ мѣру цензурныхъ возможностей и собственныхъ силъ—мы считаемъ за величайшую честь и непрѣмьную обязанность. Рано или поздно, но религіозное возрожденіе въ Россіи должно наступить, за это ручается намъ напряженно ищущая Бога душа нашего народа и весь духовный складъ нашей еще не осознавшей себя вполне интеллигенціи, это говоритъ намъ наша вѣра въ русскій народъ и въ человѣка. Если это религіозное возрожденіе, конкретныхъ формъ и окончательныхъ результатовъ котораго еще мы не можемъ теперь предвидѣть, условно назовемъ русской реформаціей—не въ томъ, слѣдовательно, специфическомъ, узкомъ смыслѣ, какой это слово имѣетъ во всемірной исторіи, но въ болѣе широкомъ и неопредѣленномъ смыслѣ религіознаго ренессанса, то мы можемъ смѣло выставить положеніе, что „реформа“ рано или поздно приведетъ и къ реформаціи, ибо между политическимъ и религіознымъ обновленіемъ нашей страны существуетъ тѣсная связь *).

Итакъ, совокупность великихъ задачъ, которыя ставятся теперь историческимъ развитіемъ нашей родины, можетъ быть выражена въ слѣдующихъ четырехъ пунктахъ: *политическое раскрытіе, экономическое возрожденіе, культурный ренессансъ и религіозная реформація*. Разрѣшеніе этихъ задачъ во всей ихъ совокупности явится истиннымъ духовнымъ воскресеніемъ русскаго народа, послѣ котораго онъ въ состояніи будетъ сказать свое историческое слово, исполнить свою культурную миссію. Воскресеніе это осуществимо только дружнымъ и самоотверженнымъ трудомъ цѣлыхъ поколѣній, и на долю нашего поколѣнія выпадаетъ начало трудной работы.

Относительно первыхъ двухъ пунктовъ нашей программы согласна

*) Вытечетъ ли изъ этой реформаціи въ широкомъ смыслѣ и церковная реформація въ узкомъ смыслѣ, есть особый вопросъ, близко связанный съ первымъ, но еще не назрѣвшій въ настоящее время къ постановкѣ. При теперешнемъ положеніи печати мы почти лишены возможности обсуждать этотъ вопросъ съ достаточной свободой и полнотой.

въ настоящее время вся честная и мыслящая Россія, безъ различія направленій и партій; объединяются всѣ живыя силы страны, безъ всякаго преувеличенія. Въ пониманіи третьяго пункта—въ особенности что касается философіи—между разными направленіями существуютъ уже разногласія, теперешніе гонители философіи не желаютъ ея успѣховъ, конечно, и въ будущемъ. Наконецъ, по четвертому пункту, повидимому, въ господствующихъ „передовыхъ“ направленіяхъ не существуетъ разногласія однако не въ смыслѣ его признанія, а въ смыслѣ отрицанія. Здѣсь мы остаемся пока одиноки въ русской журналистикѣ. Поэтому вполне присоединяясь къ требованіямъ передовой части русскаго общества въ политикѣ и экономикѣ, мы должны идти своимъ собственнымъ, особымъ путемъ въ вопросахъ духовной культуры и религіозной жизни.

Такъ понимаемъ мы общія историческія задачи нашего времени, и этимъ пониманіемъ будемъ руководиться при веденіи журнала. Однако каждый историческій моментъ имѣетъ свою спеціальную задачу, которая, выдвигаясь впередъ, до известной степени заслоняетъ всѣ остальные. Имѣетъ таковую и текущій 1905 годъ. Всѣ вопросы русской жизни въ настоящую минуту связываются въ одинъ, который давно уже сталъ вопросомъ духовной жизни или смерти націи. Вся русская жизнь стянута однимъ роковымъ узломъ, который душитъ ее и парализуетъ всѣ ея отправленія. Русская жизнь въ параличѣ, и духовная, и политическая, и экономическая. Для изцѣленія разслабленнаго необходимо такъ или иначе разрубить узелъ, завязанный вѣками, выйти изъ вѣкового тупика, чтобы вольной грудью, впервые, можетъ быть, за всѣ времена своего историческаго существованія вдохнула наша родина. Борьба съ бюрократизмомъ захватила теперь—и не могла не захватить, должна была захватить—всѣ живыя силы націи, безъ различія мѣстныхъ и направленій, сословныхъ и классовыхъ интересовъ. Побѣда надъ нимъ является истиннѣ національной задачей, вопросомъ нравственнаго достоинства, даже самого національнаго существованія. Переживаемый нами моментъ является рѣдкую историческую картину общенациональнаго объединенія, можетъ быть, и кратковременнаго, но въ высшей степени захватывающаго и многозначительнаго. Вся нація охвачена однимъ стремленіемъ, стремленіемъ въ свободѣ. И предъ лицомъ великой національно-освободительной задачи должны протянуть другъ другу руки, хотя

бы на этотъ моментъ, пока мы не достигнемъ свободы, представители разныхъ мнѣній, разныхъ классовъ, разныхъ интересовъ, разныхъ вѣрованій. Это воодушевленіе есть источникъ самаго чистаго и благороднаго патріотизма, питающагося не шовинизмомъ и ненавистью, а возвышающимъ чувствомъ любви къ своему народу, которое поднимаетъ и чувства общенароднаго братства и общечеловѣческой солидарности. Дни наши мучительны и ужасны: кровь и насиліе, война внѣшняя и война внутренняя. Но для всѣхъ ясно, что это послѣднія судороги стараго порядка, что нравственное и историческое содержаніе борьбы уже окончательно исчерпано, и старому порядку не остается никакихъ средствъ самозащиты, кромѣ самоубійственныхъ. Донгрываются послѣднія сцены кровавой трагедіи, исторической борьбы, которая тянулась черезъ весь XIX вѣкъ, и блаженны мы, которымъ суждено видѣть хотя только багровое зарево восходящаго солнца.

Съ разрѣшеніемъ этого основнаго вопроса русской жизни рѣшаются многіе роковыя вопросы,—достигнется конецъ и этой губительной войны, конецъ и внутренней войны, безбожной, братоубійственной и преступной, и конецъ духовнаго плѣна, въ которомъ томится русскій умъ и совѣсть. Тогда наступитъ пора свободнаго испытанія истины, неотравленнаго зачумленной атмосферой полицейскаго недовѣрія. Такимъ образомъ, всѣ вопросы русской жизни получаютъ сейчасъ одну общую постановку, выражаются на одномъ языкѣ,—политическомъ. Вопросъ о возрожденіи крестьянскаго хозяйства и отечественнаго земледѣлія, думаете, это вопросъ экономическій? Нѣтъ, экономическій онъ гдѣ-нибудь на западѣ, а у насъ онъ *пока* только политическій и, пока онъ не разрѣшится, какъ вопросъ политическій, онъ не можетъ быть и поставленъ, какъ вопросъ чисто экономическій, такая его постановка будетъ имѣть только теоретическое, а не практическое значеніе. Вопросъ о развитіи и успѣхахъ русской промышленности, столь щедро субсидируемой и усердно поддерживаемой бюрократическимъ механизмомъ, думаете, и это тоже вопросъ экономическій? Но почитайте записку московскихъ и петербургскихъ фабрикантовъ, пользовавшихся особой попечительностью со стороны бюрократическаго строя, и увидите, что и этотъ вопросъ силою вещей превратился въ настоящее время въ вопросъ прежде всего политическій. Рабочій вопросъ, вопросъ о способахъ самопомощи и организациі рабочаго класса для защиты справедливыхъ его интересовъ, есть также вопросъ всецѣло политическій, нужно

ли это доказывать послѣ зубатовщины и кроваваго аргумента 9 января? Вопросъ о культурномъ возрожденіи, о способахъ борьбы съ невѣжествомъ и одичаніемъ, о распространеніи простой грамотности и образованія не есть ли это также прежде всего политическій вопросъ? Теперь, когда страна фактически остается безъ высшей школы и даже не видится никакого выхода изъ создавшагося положенія внѣ коренныхъ государственныхъ реформъ, надѣмся, стало ясно уже для всѣхъ, что вопросъ о русскомъ просвѣщеніи есть дѣйствительно политическій вопросъ. Наконецъ, вопросъ о религіозномъ сознаніи народа, о возрожденіи утраченнаго интереса къ высшимъ запросамъ духа въ настоящее время оказывается тоже политическимъ вопросомъ, ибо для этого нужна прежде всего свобода совѣсти и свобода слова, чтобы было возможно высказываться съ полной ясностью и откровенностью всѣмъ сторонамъ, чтобы можно было клеймить лицемѣрныхъ фарисеевъ, поднимающихъ свой лживый и продажный голосъ въ годину народнаго бѣдствія въ защиту враговъ народа. Нужно освобожденіе церкви отъ государства, раскрѣпощеніе церкви, а вмѣстѣ съ тѣмъ и духовной жизни народа, ибо она закрѣпощена и поработчена въ наибольшей степени. Рука полицейскаго простерлась не только на тѣло, но и на душу, и нужно бояться не убивающихъ тѣло, но убивающихъ душу.

Такимъ образомъ, повсюду, во всѣхъ сферахъ русской жизни, мы наталкиваемся на одно и то же, и, какъ Катонъ, всѣ свои рѣчи и всѣ свои помыслы мы должны заключать однимъ: *praeterea senes delendam esse Carthaginem*. Мы должны стать (да въ сущности и стали уже) маниаками политическаго освобожденія. Одну мысль, одну мечту, одну тоску, одну клятву должны мы носить съ собой всегда и всюду, ночью и днемъ, на работѣ и на отдыхѣ. Одно должны мы твердить, кстати и некстати, съ поводомъ и безъ повода, тактично и безтактично, твердить, твердить, —твердить, пока жизнь не уступитъ намъ. *Delenda est Carthago!*

II. По поводу выхода въ свѣтъ шестого тома собранія сочиненій Владиміра Сергѣевича Соловьева.

Недавно вышелъ въ свѣтъ шестой томъ сочиненій Владиміра Сергѣевича Соловьева. Этимъ томомъ заключается полное собраніе

сочиненій Соловьёва *). Русскій читатель получаетъ возможность познакомиться съ дѣятельностью философа въ ея цѣломъ. Появленіе полного собранія сочиненій Соловьёва мы не можемъ не отмѣтить, какъ первостепенной важности фактъ духовной жизни нашего отечества за послѣднее время. Русская мысль получаетъ колоссальное духовное наслѣдство, окажется ли она достойной этого наслѣдства?

Чѣмъ больше времени проходитъ со дня смерти В. С. Соловьёва, тѣмъ крушѣе, значительнѣй, оригинальнѣй и дороже становится для насъ его духовный образъ. Такова судьба истиннаго величія. Стоя у подножія высокой горы, мы не видимъ ничего, кромѣ прилежащихъ скалъ, заслоняющихъ отъ взора снѣговые пики. И лишь отойдя отъ горы на разстояніе или поднявшись на ея вершину, откуда открываются необозримыя перспективы, мы чувствуемъ горную вершину. Пониманіе Соловьёва пока еще въ самомъ началѣ. Наша дѣтская мысль и едва-едва пробуждающееся философское сознаніе еще не освободились отъ дѣтскихъ пеленокъ наивнаго позитивизма или ребяческаго матеріализма. Пробудившееся же сознаніе прежде всего ведетъ насъ въ Германію, какъ отчизну новой философіи, но къ сожалѣнію, не къ ея великимъ зиждителямъ и корнямъ, а къ ихъ эпигонамъ, къ педантическимъ шульмейстерамъ, которые „treiben Erkenntnisstheorie“ въ качествѣ философіи въ разныхъ уѣздныхъ университетскихъ городахъ Германіи, создаютъ школы и направленія и своей „научностью“ (состоящей, на нашъ взглядъ, болѣе всего въ философской безкрылости) гипнотизируютъ и русскую мысль. Взлѣвъ русскихъ гегельянцевъ и шеллингянцевъ, которыми были „идеалисты сороковыхъ годовъ“, теперь мы имѣемъ русскихъ шуппистовъ, эмпириокритицистовъ, когеновцевъ, виндельбандовцевъ, et cetera et cetera. Нельзя сказать, чтобы это былъ прогрессъ, какъ нѣтъ его и въ германской мысли, гдѣ смѣлый полетъ философскаго мышленія, поставившаго предъ собой основные и величайшіе вопросы жизни и духа, смѣнился ползучей схоластикой, которая эти вопросы подмѣнила узко профессиональными задачами школьныхъ дисциплинъ, и въ концѣ концовъ нѣкогда цѣльный и могучій потокъ раздробился на мелкіе ручейки, затеривающіеся и изсыхающіе въ сухихъ пескахъ отвле-

*) Въ него не вошли только статьи изъ „Энциклопедическаго Словаря“, которыя, вмѣстѣ съ біографіей философа, принадлежащей перу г. Радлова, составляютъ особый дополнительный томъ.

ченнаго анализа. Состояніе европейской мысли переходное; нельзя не посчитаться съ этой муравьиной работой, которая производится теперь, но главнымъ образомъ для того, чтобы отъ нея отсчитаться и идти впередъ, возможно дальше отъ нея.

Русская мысль, подобно Петру I отправляющаяся на выучку за границу, силою вещей до поры до времени подпадаетъ вліянію иностранныхъ учителей, какъ бы ни мало привлекательна и плодотворна была учеба. Въ „странѣ далекой“ приходится довольствоваться сухими рожками вмѣсто хлѣба, пока не придетъ время возвращенія, пока не перейдетъ традиціонная и исключительная приверженность къ философскому провинциализму теперешней Германіи. И когда духовный взоръ, утомясь безплодіемъ философской нивы на чужбинѣ, съ исканіемъ болѣе живой, болѣе трепетной философской мысли обратится на родину, онъ встрѣтится съ необычной, столь непохожей на нѣмецкихъ шульмейстеровъ, фигурой Влад. Соловьева. Сначала приверженецъ нѣмецкой философіи отнесется къ ней съ чопорнымъ пренебреженіемъ, плодомъ школьныхъ предразсудковъ—о, сколько разъ мы видѣли это пренебреженіе и упирались въ эти предразсудки—однако, если въ немъ есть дѣйствительно философская жажда, если философія для него представляетъ вопросы жизни, а не гносеологическую шараду, плодъ досужаго и равнодушнаго остроумія,—онъ прикинется къ живому источнику и, можетъ быть, уже не оторвется отъ него...

Въ этой *жизненности* философіи „мистика“ Соловьева, въ живой связи, въ какой находятся здѣсь истины философіи съ истинами религіи, а тѣ и другія съ истинами и нормами практической жизни, и состоитъ самая цѣнная ея особенность, кореннымъ образомъ отличающая ее отъ школьныхъ и безкровныхъ „системъ“, на которыя раздробилась современная германская мысль. И эта жизненность есть нашъ высшій завѣтъ, есть для насъ *hoc signo vinces*.

Проф. Лопатинъ (который вообще говоря далеко не является послѣдователемъ или единомышленникомъ Соловьева) сравниваетъ философское значеніе Соловьева въ Россіи съ поэтическимъ значеніемъ Пушкина. На нашъ взглядъ, здѣсь нѣтъ никакого преувеличенія, это сравненіе полно глубокаго смысла, и мы убѣждены, что исторія русской философіи раскроетъ этотъ смыслъ и подтвердитъ справедливость этого сравненія.

Философія Соловьева, какъ и поэзія Пушкина, глубоко націо-

нальна и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ и все глубоко національное (слѣдовательно, не націоналистическое), она глубоко общечеловѣчна, она есть живой лучъ живого общечеловѣческаго спектра, божественной плеромы. Препятствіемъ для оцѣнки и пониманія Соловьева у тѣхъ, кто загнипнотизированъ нѣмецкой философійей, при томъ не классиковъ, а эпигоновъ, является то, что онъ такъ мало похожъ на профессиональнаго философа нѣмецкаго типа: не то философъ, не то богословъ, не то публицистъ, не то поэтъ, фантазеръ, мистикъ... Мистикъ, это самое главное: какъ можно отстаивать права мистика въ нашъ просвѣщенный XX вѣкъ! На это можно отвѣтить читателю только однимъ: побѣди свой предрассудокъ, приди и виждь!

Для тѣхъ, въ комъ школьный педантизмъ окончательно убилъ уже живую философскую мысль, Соловьевъ останется неприемлемъ по той причинѣ, что у него нѣтъ достаточно выработанной школьной системы. Богатство и разнообразіе философскихъ и жизненныхъ мотивовъ препятствовало ихъ детальной разработкѣ, которой гордится какой-нибудь философскій нищій, многое сказано только намеками, незакончено, поставленно скорѣе какъ тема для разработки, нежели какъ окончательный итогъ, но и въ этомъ абрисѣ достаточно уже обозначилось дивное зданіе. Сопоставленіе Соловьева и Пушкина подтверждается и въ этомъ смыслѣ. Пушкинъ создалъ русскую національную поэзію, въ его творчествѣ заключено богатство мотивовъ, которое зазвучало потомъ на русской лирѣ, и подобное же богатство философскихъ идей и мотивовъ дано и въ философійи Соловьева, и эти идеи уже начинаютъ оплодотворяюще дѣйствовать на русскую философскую мысль. Нужды нѣтъ, что при этомъ многіе разойдутся въ какихъ-нибудь второстепенныхъ подробностяхъ съ учителемъ, что ортодоксальныхъ Соловьевцевъ совсѣмъ не будетъ, не создастся Соловьевской секты. Это и не соотвѣтствуетъ высокому духу и характеру его ученія, и безъ этого удержится живая духовная связь. Соловьевъ является пробнымъ камнемъ для опредѣленія, такъ сказать, философскаго калибра и общаго направленія философскаго мышленія. Это чувствуется даже въ рядныхъ пока рядахъ современнаго русскаго идеализма, которыми раздѣляются на двѣ довольно опредѣленныя группы—лѣвую и правую или правую и лѣвую, смотря по тому, откуда считать—особенно отношеніемъ къ Соловьеву.

Соловьевъ въ настоящее время есть болѣе чѣмъ обычный фи-

лософъ, съ которымъ можно соглашаться или не соглашаться, онъ представляетъ собой философское знамя, выражаетъ цѣлую программу, общее отношеніе къ которой опредѣляетъ характеръ всего міросозерцанія.

Въ извѣстномъ смыслѣ можно сказать, что духомъ Соловьева опредѣляется и программа нашего журнала. Какъ уже указано выше, въ философія Соловьева религія, философія и жизнь сплетаются въ одинъ неразрывный узелъ, сводятся къ одному общему и высшему единству; стремленіе къ этой же связи является характерной, опредѣляющей и для нашего журнала, онъ является причастенъ тѣмъ самымъ духу Соловьева. Это, конечно, не значитъ, чтобы на его страницахъ развивались исключительно Соловьевскія воззрѣнія и устранились точки зрѣнія совершенно отличныя. Въ извѣстномъ возрастѣ для человѣка невыносимы пеленки и свивальники какой бы то ни было ортодоксіи, если они стѣсняютъ свободу его движенія. Но сказанное слѣдуетъ понимать въ смыслѣ общихъ задачъ, въ частности здѣсь разумѣется то выдающееся значеніе, которое придается интересу религіозному, связи философіи и религіи, проблемамъ религіознаго идеализма, а затѣмъ и связи этого идеализма съ практической жизнью. Такимъ образомъ, мы будемъ имѣть здѣсь ту же самую борьбу съ „отвлеченными началами“: догматическимъ теологизмомъ, абстрактной спекуляціей и практической безпринципностью которую велъ и Соловьевъ; это есть продолженіе его борьбы, его жизненнаго дѣла.

Шестой томъ собранія сочиненій Соловьева состоитъ главнымъ образомъ изъ мелкихъ замѣтокъ текущаго характера, литературно-критическихъ статей о Тютчевѣ, Толстомъ, Фетѣ, Полонскомъ (вѣроятно, имѣвшихъ въ послѣдствіи войти въ проектированную имъ исторію русской литературы), работы о Магометѣ, напечатанной ранѣе въ біографической бібліотекѣ Павленкова и еще разъ обнаруживающей остроту пониманія и какую-то особенную чуткость Соловьева къ религіознымъ ученіямъ, статьи объ Японіи и Китаѣ, статьи по эстетикѣ—незаконченный фундаментъ лишь намѣченнаго заданія и, наконецъ, статьи о смыслѣ любви. Статьи по эстетикѣ представляютъ огромный интересъ для характеристики взглядовъ нашего философа на природу красоты, въ которыхъ мы имѣемъ частное приложеніе общихъ религіозно-метафизическихъ взглядовъ Соловьева. Они содержатъ своеобразный синтезъ платонизма съ христіанскимъ уче-

нiемъ, для котораго красота есть начало объективнаго бытiя, а не субъективная только иллюзiя. Основная мысль эстетики Соловьева, къ сожалѣнiю, не получившая надлежащаго развитiя, формулируется вѣщимъ, но вмѣстѣ и загадочнымъ выраженiемъ Достоевскаго: „красота спасетъ мiръ“ (эти слова взяты эпитафiей къ статьѣ о красотѣ). „Гвоздемъ“ шестого тома являются однако даже и не эти статьи по эстетикѣ, какъ онѣ ни цѣнны, но изумительныя по силѣ проникновенiя и глубинѣ мысли статьи о „Смыслѣ любви“ (ихъ надо сопоставить со статей „Жизненная драма Платона“—помѣщена въ VIII томѣ сочиненiй—и соответственными главами „Оправданiя добра“). Къ сожалѣнiю, и въ этихъ статьяхъ много недоговореннаго и незаконченнаго, однако основныя идеи достаточно ясны. Мы не знаемъ, была ли послѣ Платона загадка половой любви, Эроса, трактована съ такимъ мистическимъ углубленiемъ и вмѣстѣ такъ возвышенно, какъ у Соловьева. Цѣломудренная чистота удивительно соединяется здѣсь съ признанiемъ силы эротическаго паэоса, снимающаго для любящихъ рамки эмпирической дѣйствительности и открывающаго просвѣтъ въ „потустороннiй“ мiръ. Мы не считаемъ сейчасъ благовременнымъ подробно обсуждать ученiе Соловьева о „смыслѣ любви“, надѣясь когда-нибудь вернуться къ этому вопросу въ особой статьѣ. Отмѣтимъ только, что въ настоящее время возвышенная и чистая мистика пола, которая неразрывно связана у Соловьева съ аскетической (конечно, въ широкомъ смыслѣ) моралью, призвана сыграть особенно важную роль въ виду того, что какъ разъ теперь къ проблемѣ пола привлечено такое исключительное вниманiе Розановымъ, разрѣшающимъ ее въ какой-то фаллическiй апофеозъ. Если мы и согласны признать за Розановымъ формальную заслугу радикальной постановки и своеобразнаго углубленiя этой проблемы, то отношенiе наше къ тому, какъ Розановъ трактуетъ эту проблему, и еще болѣе къ окончательнымъ выводамъ его, не можетъ быть инымъ кромѣ отрицательнаго. Розановъ и Соловьевъ въ этомъ смыслѣ, какъ, впрочемъ, и въ другихъ отношенiяхъ, являются антиподами, не только по мысли, но и, что, можетъ быть, еще важнѣе, по духу. И для того, кто хочетъ идти за Соловьевымъ, неприемлемы и чужды „вавилонскiя раскопки“ Розанова. Ни въ чемъ, какъ въ проблемѣ пола, тысячами нитей связанной съ интимнѣйшей жизнью человѣка, съ тайниками его души, не проявляется до такой степени исконная, первоначальная природа человѣческаго духа, обращеннаго вверхъ или внизъ,

вправо или влево. И не можетъ одновременно царить въ душѣ притягательная сила фаллической бездны и неземная красота горяго свѣта. Здѣсь незасыпаемая пропасть.

Справедливость требуетъ признать, что въ шестомъ томѣ есть не только свидѣтельства силы могучаго духа, но и неизбѣжные признаки человѣческой слабости и ограниченности. Мы не считаемъ нужнымъ закрывать глаза на нихъ—великій человѣкъ имѣетъ право на странности и даже чудачества, были они и у Соловьева, и порою даже принимали характеръ какой-то безграничной наивности. У Соловьева такъ и не выродилъ до конца хмѣль политическаго славянофильства, вошедшій къ нему въ голову во дни юности и, хотя онъ всю жизнь шелъ справа налево, но въ политикѣ и въ экономикѣ не дошелъ туда, куда должна была привести его собственная дорога. Несмотря на то, что онъ самъ поражалъ на голову русскій націонализмъ, приводя его къ абсурду, къ апофеозу Ивана Грознаго, обличая его въ лицѣ Каткова, какъ „Немезиды славянофильства“, но иногда безо всякой видимой причины у самого Соловьева откуда-то со дна всплывали старыя мнѣнія и пристрастія. Такой славянофильской отрыжкой, способной ввести въ соблазнъ многихъ и—не будемъ скрывать—для насъ поэтому прискорбной, являются статьи его, перепечатанныя въ шестомъ томѣ „Памяти Императора Николая I“ и „Миръ Востока и Запада“ (объ императрицѣ Екатеринѣ). Въ первой изъ этихъ статей дается совершенно фальшивая оцѣнка общаго характера царствованія Николая I, основанная на двухъ отдѣльныхъ частныхъ случаяхъ, но въ корнѣ противорѣчающая общему историческому его значенію. Еще страннѣе вторая замѣтка. Эта славянофильская реминисценція представляетъ собой подтвержденія извѣстной поговорки французовъ: *on revient toujours à ses premiers amours*. Мы не сомнѣваемся, что дальнѣйшія впечатлѣнія жизни отрезвили бы окончательно Соловьева отъ старыхъ увлеченій, и живи онъ въ наши дни—онъ былъ бы, конечно, въ первыхъ рядахъ борцовъ и духовныхъ вождей русскаго освободительнаго движенія.

Заканчивая эту бѣглую замѣтку, выразимъ надежду, что на страницахъ нашего журнала часто будетъ поминаться дорогое имя русскаго философа. Повторяемъ, понять, усвоить и освоить Соловьева есть первая и очередная задача для современной русскои мысли. Его мало умѣли цѣнить при жизни. Пшеничное зерно должно уме-

реть, чтобы принести плодъ. Нужно было пронести тяжелый крестъ отверженности и отчужденія и умереть подъ его тяжестью, чтобы на могилѣ стали пробиваться ростки новой жизни. И неужели къ зовущему голосу Соловьева останется глуха Россія будущаго, свободная и молодая Россія!

С. Булгаковъ.